

е) If I **join** St. John, I **abandon** half myself; if I **go** to India, I **go** to premature death. (Jane Eyre, 400)

Этот пример отображает настоящее простое в футуральном значении 10 — употребление настоящего в придаточных предложениях условия.

ф) The marshal **gets** in the waiting car with his partner and when he **sees** Starling safely inside the house, the federal car **leaves**. (Hannibal, 16)

В данном предложении мы видим реализацию настоящего простого для передачи действий в прошлом, так называемое «настоящее историческое» (значение 14).

Таким образом, настоящее простое время актуализирует в компаундно-комплексном предложении преимущественно только свои «прямые» значения, то есть значения, репрезентирующие темпоральный план настоящего. «Непрямые» значения настоящего простого в исследуемом типе предложения представлены единичными примерами.

Так как язык является самым экономным средством получения, сохранения, обобщения и передачи информации, то он отражает особенности менталитета нации, в данном случае, английской. Компаундно-комплексные предложения, очень гибкие по структуре и очень ёмкие по содержанию, дающие неограниченные возможности автору выражать свои мысли, лимитируют категориальный перечень значений, реализующийся в данных синтаксических конструкциях.

Литература

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971.
2. Крылова И.П., Крылова Е.В. Практическая грамматика английского языка. М., 2000.

Учение А.А. Потебни и современные семантические теории

*Г.М. Шипицына
БелГУ Россия, Белгород*

А.А. Потебня принадлежит к числу ученых, научное наследие которых не только не устаревает, но продолжает питать самые современные направления и аспекты лингвистических исследований. Научное творчество А.А. Потебни отличает нестандартность, оригинальность, это ступок перспективных идей, осмысление которых лингвистами позднейших

поколений позволяет им рассматривать в новых, часто неожиданных аспектах проблему, которые, казалось бы, имеют устоявшиеся и общепринятые решения.

К числу таких проблем мы относим и проблему определения объема и достижения полноты описания значения отдельного лексико-семантического варианта (далее — семемы) многозначного слова или же слова однозначного.

В работе «Мысль и язык» А.А. Потебня высказал такое интересное соображение: «Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания. Отсюда произошло то, что многие явления языка понимались ошибочно» (Потебня, 1976, 465-466). Это тонкое наблюдение заставило лингвистов посмотреть на реальное значение слова и глубже и разноаспектней, что в итоге вылилось в современную теорию о системно-структурном характере значения и смысла слова (семемы). Важно подчеркнуть, что при этом реализована и другая мысль, высказанная А.А. Потебней в работе «Психология поэтического и прозаического мышления»: «...язык-система есть нечто упорядоченное, всякое явление его находится в связи с другими. Задача языкознания и состоит именно в уловлении этой связи, которая лишь в немногих случаях очевидна» (Потебня, 1973: 243).

В современной семасиологии утвердилось основанное на идеях А.А. Потебни представление о семантике слова как о сложном системно-структурном объединении элементов смысла — сем, разнообразных по манифестационным, комбинаторным, информативно-содержательным свойствам семемы и глубине залегания в структуре.

Применение различных методов (компонентного анализа, психолингвистических методов, текстового анализа речевых реализаций смысловых потенциалов слова, статистического анализа, межъязыкового и внутриязыкового сопоставления лексической семантики и прагматического смысла и т.п.) обеспечивает выделение максимально полного списка таких элементов смысла в словах различных частей речи. Это позволяет выявить тончайшие грани различий в значениях и смыслах семантически очень близких слов, в том числе таких, которые в толковых словарях определяются совершенно одинаково или через очень близкие единицы словарных толкований, а также путем логического круга в дефинициях.

«Всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно в контексте выражать все новые и новые смысловые оттенки, что надо большое ис-

кусство, чтобы правильно и точно выражать свою мысль, не вызывая криво-толков» (Щерба, 1974: 304).

Еще большие трудности вызывает процесс передачи говорящим своих мыслей собеседникам. Сложность этого процесса была блестяще раскрыта А.А. Потебней, писавшим: «Когда я говорю, а меня понимают, то я не перекладываю целиком мысли из своей головы в другую... при понимании мысль говорящего не передается, но слушающий, понимая, создает свою мысль... Рассмотрение процесса понимания служит лишь разъяснением того, что язык есть средство, или лучше, система средств видоизменения или создания мысли» (Потебня, 1973: 252-253).

Наш опыт проведения компонентного анализа различных групп лексики показывает, что объем значения слов весьма велик и не имеет четких границ в строгом смысле этого слова. Потому представляется достаточно обоснованной позиция семасиологов, предлагающих относиться к значению слова как к вероятностной категории: «... важно подчеркнуть, что усвоение и развитие вероятностного подхода к значению — одно из главных условий развития семасиологии вообще и теории лексического значения в частности» (Никитин, 1988: 65).

В некоторых работах предлагается разграничивать, наконец, «ближайшее» (оно понимается как языковое) и «дальнейшее» (оно понимается как научное, энциклопедическое, специальное) значения слова, ссылаясь на А.А. Потебню. При этом указывается, что лингвистика должна выяснять объем только первого из этих значений.

Мы не воспринимаем известное рассуждение А.А. Потебни о «ближайшем» и «дальнейшем» значении слова как своего рода запрет на лингвистическое изучение полного объема семантики слова, который, на наш взгляд, включает в себя элементы не только «ближайшего», но и так называемого «дальнейшего» значения слова. Основанием для этого считаем то, что «ближайшее» значение слова, только одно подлежащее ведению языкознания. А.А. Потебня рассматривал как форму мысли, обеспечивающую узнавание названного предмета «слишь в течение ряда мгновений», что, по мнению А.А. Потебни, является условием относительного взаимопонимания общающихся. «Ближайшее» значение вызывает поверхностное представление о предмете, но оно достаточно для возбуждения у слушающего мыслей, соответствующих услышанному. Категория «ближайшего» значения понадобилась А.А. Потебне для раскрытия процесса понимания смыслов как овладения общающимися общей главной линией в передаваемой мысли.

Таким образом, категория «ближайшего» значения полностью укладывается в аспект словесной звуковой формы — возбудителя общих вещественных представлений у говорящего и слушающего, оно не может быть ведущей

категорией при рассмотрении значения слова на уровне его полного содержательного объема как средства создания и обобщения мысли.

Выражаясь словами А.А. Потебни, можно утверждать, что «ближайшее» значение слова «только намекает на это значение, дает возможность в случае надобности остановиться на нем и постепенно привести его в сознание, но позволяет и не останавливаться» (Потебня, 1973: 216). В то же время оно формально и пусто, но пусто по-особому. «Пустота «ближайшего» значения сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия, служит основанием тому, что слово называется формой мысли» (Потебня, 1973: 217).

Если остановить научную мысль лингвистов на изучении только «ближайшего» значения, мы рискуем ограничиться поверхностным знанием об изучаемом объекте. Подтверждение этому мы находим в рассуждениях самого А.А. Потебни: «... ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее у каждого различное по качеству и количеству элементов лично. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредничестве народного понимания, т.е. языка и средств, создание коих условлено существованием языка. Таким образом, область языкознания народно-субъективна. Она соприкасается, с одной стороны, с областью чисто личной, индивидуально-субъективной мысли, с другой — с мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности» (Потебня, 1973: 218).

Таким образом, ученый понимал «ближайшее» значение как общенародное, одинаковое для всех носителей одного и того же языка, а «дальнейшее» значение слова как область индивидуально-субъективной мысли, без которой общий смысл слова, вбирающий в себя всеобщее и индивидуальное, никак не может быть полным.

Наблюдая разнообразные употребления слов в речи, в частности, имени прилагательного, приходим к выводу о высокой валентной способности слов и во многих случаях невозможности отделить языковое от не языкового значения внутри смысловой структуры семемы, не только в разрядах специальной лексики, но и в разрядах лексики общеупотребительной, полностью соглашаясь с мнением В.Г. Гака о том, что «чем далее развивается современная семантика, тем все более подтверждается, что ее проблемы не могут быть решены без обращения к объективной реальности, явления которой отражаются в сознании человека и обозначаются средствами языка» (Гак, 1971: 95).

Более того, некоторые аспекты значения слова, прежде всего денотативный, не могут быть объективно выявлены, если их замкнуть в рамки чисто языковых категорий. Мы не видим необходимости во всех случаях строго отделять «языковое» от «неязыкового» в значении слова в разрядах

неспециальной, общеупотребительной лексики, считая возможным включать в семантику слова и так называемое «научное» и так называемое «бытовое» знание о предмете, т.е. исследовать значение слова в общеизвестном, относительно полном объеме, отражающем семантическую компетенцию носителей языка. А «... семантическая компетенция носителя языка формируется из восприятия слова в коммуникативных актах и из прямого познания предмета номинации в процессе общественной практики, что делает семантический потенциал слова чрезвычайно широким» (Стернин, 1985: 34).

Исследуемый нами материал подтверждает, что «значение имеет интегральный характер, оно несводимо к небольшому количеству дифференциальных сем, отличающих данное значение от значений ограниченной группы противопоставленных ему в системе языка слов, оно включает многочисленные семантические компоненты, фиксирующие все признаки пред мета номинации, отраженные общественным сознанием» (Стернин, 1985: 157).

Если наблюдать функционирование слова в речи, убеждаешься в нелимитируемости его значения и невозможности исчерпывающе исчислить семный состав смысловой структуры семемы.

Было бы большой ошибкой ставить знак равенства между действительным объемом лексического значения слова и его словарной дефиницией.

А.А. Уфимцева, исследуя вопрос, что именно определяется словарной дефиницией — значение слова, его смысл (концепт) или сам объект действительности, названный этим словом, приходит к выводу, что «словарные толкования, дефиниции, определяют, вернее, идентифицируют, только логико-предметное содержание лексической единицы» (Уфимцева, 1984: 138).

Другие лингвисты также приходят к выводу, что «семантика слова в словарях — это еще далеко не вся семантика слова» (Кузнецов, 1984: 138).

Словарные толкования значений не отражают и не могут отражать тот полный объем структурного значения слова, который можно получить его семным анализом. Однако словарные толкования должны быть достаточными для удовлетворения потребностей в информативной полноте, страноведческой и культурно-исторической адресности толкования лексического значения слова.

Сопоставление семного состава значений слов различных частей речи с соответствующими им определениями в толковых словарях показывает, что словарная дефиниция может квалифицироваться как краткая формулировка только денотативной стороны значения, или как частичное одноаспектное отражение семантики слова, или как метаязыковой заместитель смыслового содержания слова, или как отсылочный метаязыковой сигнал о значении слова без подробного описания его, или как указание на место слова в сети его

системных связей в парадигматических, синтагматических или деривационных отношениях в лексическом пространстве языка.

Сказанное не исключает возможности конструирования модели смысловой структуры семемы, определяющей основные и наиболее регулярные компоненты структуры в пределах системно-языкового (т.е. не модифицированного в индивидуальной речи) значения слова с опорой на данные современных толковых словарей, несмотря на то, что толковый словарь (при всей его важности и незаменимости) оказывается малоинформативным и недостаточным для целей познания семантики слов лицами, в языковом сознании которых метаязыковые сигналы о значении, а также парадигматические сети и модели сочетаемости лексики не сформированы или недостаточны, или не способны вызвать представление о номинируемом объекте в силу незнания самого этого объекта носителем языка, т.е. словарные определения далеко не всегда могут обеспечить распознавание и осознание значений слов.

Значение и смысл — это явления сложной природы. Бесспорно, что движущей силой процесса понимания, когда слушающий, «понимая, создает свою мысль» (по А.А. Потебне), является материальная первооснова порождения и осмысления значений, но на основе чего обеспечивается очень близкое понимание смыслов разными людьми — до конца не выяснено психолингвистами.

Иносказательный смысл, подтекст, адресованный только одному из участников беседы, улавливается, очевидно, на бессознательном уровне (хотя он может быть информативно или эмоционально гораздо более важным, чем прямой, понятийно-логический смысл этого же высказывания). Речевая установка общения и коммуникативный стереотип помогают распознать, предварительно проанализировать и расклассифицировать поступающую адресату речи информацию.

Кроме языкового сознания и языковой компетенции носителей языка в осознании и понимании смысла играет важную роль общая психологическая деятельность людей. В частности, установка и стереотип — это психические категории, действующие не в интеллектуальной сфере, а в сфере эмоциональной, дологической, допонятийной.

Литература

1. Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. - М.: Искусство, 1976.
2. Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления // Хрестоматия по истории русского языкознания. - М.: Высш. шк., 1973.
3. Щерба Л.В. Предисловие (к Русско-французскому словарю) // Языковая система и речевая деятельность. - Л.: Наука, 1974.

4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. - М.: Высш. шк., 1978.
5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // Хрестоматия по истории русского языкознания. — М.: Высш. шк., 1973.
6. Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. —4.1. — М.: Изд-во Москов. пединститута иностр. яз. им.М.Тореза, 1971.
7. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. - Воронеж: Изд-во Ворон., ун-та, 1985.
8. Уфимцева А.А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слов // Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984.
9. Кузнецов А.М. Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии // Слово в грамматике и словаре. - М.: Наука, 1984.

Наименования жилых построек и их частей в селе Городище Старооскольского района Белгородской области

*Шубина Н.Г.
СОФ БелГУ*

Россия, Старый Оскол, Белгородская область

Номинативная лексика, обеспечивающая бытовое общение людей, отражая многовековые традиции, дает исследователям историческую информацию о процессах миграции, контактах и взаимодействии между этническими группировками. Поэтому использование регионального языкового материала имеет огромное значение в школьном краеведении, в воспитательной работе с молодежью, и это не может не способствовать формированию национального сознания, что на сегодняшний день является одной из актуальных задач среднего и высшего образования.

Жизнь крестьянина во многом связана с домом и хозяйственными постройками. История русского крестьянского жилища составляет один из важнейших разделов истории материальной культуры. В лексике жилища нашла отражение не только бытовая, но и языковая жизнь населения того или иного края.

Диалектология уже в первый период своего возникновения была тесно связана с этнографией. Это обусловлено теми обстоятельствами, что наука о